

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК 1815 ГОДА

Источник: Ф. В. Ростопчин "Ох, французы!" М. Русская книга, 1992 год.

Итак, мне надо было ехать, доктора посылали меня на воды. Это последнее средство гиппократов и последняя надежда больных. Я не был опасно болен, но целый год и семь месяцев не был здоров. Я ни с кем не прощался. Грустно прощаться с людьми, которых любишь; всегда хочется прибавить: до свидания в другом мире. Умереть всегда возможно, и потому естественно всякий раз делать такие пожелания. Мне тяжело было уезжать; кто знает мою жену, тот легко это поймет. Насчет детей я был спокоен: они оставались с матерью, которая была их руководителем, их хранителем, их образцом и их заступником перед Престолом Всевышнего. Печально сошел я с лестницы и простился с домом. Я не люблю проводов. Они похожи на какую-то процессию. Садясь в карету, я вспомнил слова, сказанные мне князем А. К. в последний раз, что я его видел: "Я надеюсь, что другой климат, разнообразие впечатлений и дорожные развлечения возвратят вам здоровье, которое столько же необходимо для частной жизни, как и для жизни общественной".

Сколько миллионов зарыто на петергофской дороге, и все для того, чтобы доставить возможность днем прогуливаться по болотам, а ночью заражаться лихорадкою! Вплоть до Стрельни дорога как бы один пригород. Большая часть домов уже не принадлежат знатым родам и служат местом отдохновения купцов, которые лучше дворян ведут свои дела. Покуда у дворянина осталось что-нибудь непроданное, он думает, что у него достаточно денег на расходы. Дорогу в Стрельну я знаю 30 лет, и сколько на ней воспоминаний! Я не узнаю сам себя. Здесь ездил я танцевать, вздыхать, блистать умом, делать глупости. Теперь дорога эта имеет для меня разве ту цену, что, едуци по ней, я убеждаюсь, что у меня есть память.

Я лучше люблю Стрельну, чем Петергоф. Вид моря прикрыт лесистою горою, сад прекрасен и расположен по плану Ленотра. Версальский сад часто служил образцом для других садов, так же как и с этикетом двора Людовика XIV сообразовались этикетки других дворов. Стрельна приняла военный характер после возобновлений, сделанных великим князем Константином. Я слышал звук трубы; это самый неприятный звук для моего слуха. Он напоминает и падение стен Иерихонских, и последний суд, на который с сотворения мира очень немногие могут явиться без страха.

На второй станции я встретил генерала О., который требовал 12 лошадей. Ямщики и фореиторы разбежались. Мы побеседовали немного. О. пошел спать; я отправился в конюшню, взял шестерку лошадей; ямщики возвратились, и я поехал. Понятно, что я заплатил. О, если б сим презренным металлом или его представителем, ассигнациями, подкупали одних ямщиков!

Со мной был камердинер, белый, глупый, как скот, но добрый малый. Другой мой слуга был негр, глуп так, как мой камердинер. Он сходил с ума и воображал, что вылечился; все, что видел во сне, он считал за существенное. Одна из самых лучших его историй была о пауке, которого один колдун во Франции вселил в него, и паук жил в нем привольно и даже ткал в нем паутину. Если бы колдун имел сострадание к пауку, он всадил бы в моего негра несколько тысяч мух.

Камердинер мой, увидя море близ Нарвы, сказал: "Вот, ваше сиятельство, говорят, что много морей, а все это то же, что в Петербурге на конце Английской набережной". Когда я спросил его, почему он может узнать это море, он отвечал мне с уверенностью: "Потому что не вижу другого берега".

Ямбург среди болот. Это замок лягушачий. Удивительно, как императрица Елизавета, которая так любила лягушечье кваканье и населяла лягушками пруды своих резиденций, не избрала Ямбурга для своего летнего местопребывания.

Господи! Сколько камней и скал в окрестностях Нарвы. Если б суждено было Девкалиону снова явиться и произвести новую породу людей, его следовало бы послать в Нарву: здесь ему стоило бы только нагнуться. Если сие сбудется, то надлежит желать, чтоб новая порода была лучше нашей. Камни как бы ждут; они придают всему краю вид кладбища. Особенно большие скалы ждут надписей; вырезав